

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

1/2018

Альманах

Свет столицы. №1 2018 г.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36091509

Свет столицы. № 1 2018 г.: У Никитских ворот; Москва; 2018

ISBN 978-5-00095-552-9

Аннотация

Лирика и проза посвященная 73-й годовщине Великой Победы.

Содержание

1. Поэзия	5
Анатолий Ветров	5
ИВАН ГРИШАНОВ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Свет столицы. № 1 2018 г.

***Литературно-
художественный журнал***

© Академия поэзии, 2018

© ИПО «У Никитских ворот», 2018

© Коллектив авторов, 2018

*БЕССМЕРТНОМУ ПОДВИГУ СОВЕТСКОГО
НАРОДА, 73-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...*

1. Поэзия

Анатолий Ветров

Поэзия **Анатолия Ветрова** (1956–2012) проста

и искренна, и это ощущается сразу: чуткость, волнение, горячность характера, пылливость ума и откровенность, добросердечность. Если все это собрать воедино – душевность. Абсолютно русская черта. Она и определила оптимистическое начало ветровских стихов, их широкие эпические, философские интонации. Многие стихи положены на музыку.

Тема Великой Отечественной войны занимает в творчестве поэта, автора 15 стихотворных сборников, особое место: его мать, детдомовка, прошла связисткой всю войну до Берлина, и ее судьба положена в основу романа в стихах «Надежда Карелина». Посмертно к юбилею Победы выпущена книга стихов поэта «День Победы». Ежегодно в июле проводится Фестиваль поэзии и песни памяти Анатолия Ветрова в подмосковной Загорянке на берегу Клязьмы, объединяющий поэтов и певцов, композиторов и чтецов, бардов и переводчиков, молодые таланты и маститых деятелей искусства и литературы России и других стран.

Мерси!

Г. Д. Курицьшой

Французов пленных двинулась колонна —
В концлагерь как пожизненный арест.

Отрада в нём одна – ширь небосклона
Вдали и помощь Мира – Красный Крест.

Посылки с воли выжить помогают —
Спасения лучи во тьме ночной...
Навстречу – русских пленных цепь, другая
Колонна – ад терпения сплошной.

Навстречу – измождённые скелеты
Ползут, во снах лишь видят
Красный Крест, —
На гибель обречённые поэты
Так в грёзах видят рай чужих небес.

Колонны поравнялись... Братства узы
Священны, как в концлагере паёк...
Ребята из Советского Союза
Заметили французов:
– Эй, браток!

Бери! —
И ринулись к буханке хлеба,
К салцу – о-о!!! – рук дрожащих корабли...
Ведь на Земле одна беда, и небо
Одно над городами всей Земли.

– Шнель, ком! —
сквозь фрицев ругань, лай овчарок
Вдруг прозвучало нежное: – Мерси! —

Как благодарность русским за подарок,
Поклон Европы матушке-Руси.

1998

Седьмая симфония

Памяти Дмитрия Шостаковича

*Если мне отрубят руки, я возьму перо в зубы
и всё равно буду писать музыку.*

Д. Шостакович – сыну Максиму

Этот человек сильнее Гитлера.

О. Берггольц о Д. Шостаковиче

Без Микеланджело резец —
Как молоток без рук: мертвец.
Без Шостаковича перо —
Застывших звуков серебро.

Кто Микеланджело без рук?
Без скальпеля в руках хирург.
Каррарский мрамор ждёт творца, —
Прикосновения резца.

Резец хозяйской ждёт руки,
Как полководца ждут полки.
Ждёт осаждённый Ленинград

Своих спасителей – солдат.

Как боль – обрубки вместо рук:
Кольцо блокады – адский круг.
Маэстро в комнате один.
С пером в руке он – властелин

Судьбы... К симфонии пролог —
Ему диктует ноты Бог:
«Пам-пам-па-рампам...»

– Зиг хайль! Нахт Москау! Гот мит унс! —
Пролог – марш варваров на Русь.

...А за спиною Ленинград —
Мрак, ужас, мор, крошечный ад.
Повсюду гробики, гробы
На санках... Нет страшней судьбы!

Господь, явись спасеньем вдруг!
Всё зыбко, губительно вокруг.
Весь мир – в огне, в крови... Война.
Бал правит Гитлер – сатана.

Кичиться не спеши, палач:
Маэстро – Гулливер, силач!
Он в пальцах, как в зубах, перо
Сжимает...
Гнев – не серебро:

Грохочущей лавиной прёт
К Победе рать железных ног!

Раскат эпохи громовой —
Парад симфонии Седьмой.
Аккорды мужества растут...
Палач – дрожащий лилипут!

Враг в панике, он смят, разбит, —
Финал симфонии гремит
Громами – залпами катюш, —
Божественным спасеньем душ!

...О вдохновенный взмах пера
Над главным детищем Петра!
Со злом сражается добро:
Бог – Шостаковича перо.
Перо, зажатое в зубах
Судьбы, —
борец —
Бетховен,
Бах.

...

...Ликуй, Петров могучий град!
Победы гром в Москве – парад.
Гранитный Жуков на коне,
Как Медный всадник Фальконе!

Не сатана бал правит – Бог.
Пусть жизнь – обрубки вместо ног
Порой, —
верь, друг:
отступит смерть!
Волшебна жизни круговерть —
Раскат симфонии Седьмой
В пространствах Вечности самой.

27 февраля – 9 марта 2004

Москва

*Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!*

А. С. Пушкин

Как светом утренним природа —
Материки и острова, —
Теплом встречаешь ты народы,
Хозяйка щедрая, Москва!

Ведёшь гостей в дворцы-палаты,
Так князь – народа голова —
Купцов заморских вёл когда-то
К столу... О, древняя Москва!

России стольный град,
Непобедимая,
В грядущий век парад —
Москва любимая!

Толпа ликует от восторга,
В старинный храм войдя едва...
В твоих глазах улыбка Бога
И Русь, священная Москва.

Пожарский с Мининым в молчанье
Застыли, будто сфинкса два.
Героям ты свой щит вручала,
Княгиня вольная, Москва!

Для нас ты на Тверском – невеста,
На Новодевичьем – вдова,
Ты на Арбате всем известна
Как мать художников, Москва!

Греми на площадях стихами,
Рисуй портреты и слова, —
Ты – нашей Родины дыханье,
Ты – Мира гордый щит, Москва!

1987 г., Москва

ИВАН ГРИШАНОВ

Гришанов Иван Иванович родился 28 августа 1932 года в деревне Шепелево Кромского района Орловской области. Сын полка. В 1942-1943-м был осведомителем и связным партизанского отряда (р-н Карачева, Брянск),

при формировании Орловско-Курской дуги – разведчик, наблюдатель Отдельного истребительного противотанкового дивизиона (ОИПТД), много раз по заданию переходил линию фронта. После была военная дорога от Брянска до Санкт-Пельтена (Австрия) в составе III Украинского фронта. 1947 г. – Курское суворовское училище, 1953 г. – Одесское военное училище, затем офицерская служба. Но из-за последствий военных ран и контузии вынужден был уволиться из армии. После учёбы в Кишинёвском политехническом институте работал научным сотрудником, в ходе чего получил звание «Заслуженного изобретателя Молдавской ССР». Живёт в Москве.

Анатолий Пшеничный о поэте Иване Гришанове

После одного из выступлений в Посольстве Сербии по поводу годовщины освобождения Белграда ко мне подошёл неприметный с виду пожилой человек:

– Спасибо вам за песни о войне, спасибо за память о нас...

Я насторожился: не совсем походил на ветерана той далёкой войны этот стеснительный невысокий мужичок – с чистым голосом и ясными глазами...

– Я в прошлом сын полка, Гришанов Иван Иванович, с 1932 года рождения, мне 86, воевал с 10 лет, после войны

учился в Суворовском, потом в военном училищах... Вот приглашают иногда на такие мероприятия как ветерана. Давно пишу стихи, вы не могли бы их посмотреть, мне это очень важно...

Всё встало на свои места: ветеран-пенсионер, пишущий стихи, как многие, если не все...

Сославшись на занятость, но с врождённым чувством преклонения перед фронтовиками, дал ему визитку: пришлите, мол, по «электронке», я обязательно посмотрю...

– Да нет у меня такой почты... Может, дочку попрошу...

Через месяц он позвонил и попросил встретиться:

– Мне это очень важно...

На следующий день он пришёл на моё выступление в Университете землепользования, передал стопку стихов – в основном рукописную, оставил номер своего телефона, прослушал весь фронтовой цикл и ушёл, не переждав моей послеконцертной «автограф-сессии»...

А на следующее утро я открыл его рукопись и оторваться от чтения не мог до конца дня.

Было такое ощущение, что я, как изредка бывало на моём драгоценно-каменном Урале, поднял с земли долгожданную находку – друзу редкой породы: то ли аметистовую, то ли горнохрустальную, а может, и того дороже...

Позвонил ему:

– Иван Иванович, вы где-то печатали эти стихи?

– Да, в военной многотиражке, лет 50–60 назад.

– А показывали кому-то в издательствах, поэтам, писателям?...

– Тоже лет 60 назад, но показал стихи о репрессированных офицерах-фронтовиках, посмотрели да сказали: хочешь спокойно жить – не показывай больше никому. Вот и не показывал, а вас послушал – не утерпел... А про репрессии не мог не писать: отца в 1937-м расстреляли, потом реабилитировали, я за него на войну и сбежал...

...Я не нашёл его литературных публикаций или фото в интернете. Через сайт «Бессмертного полка» отыскались скупые строчки о боевом пути маленького солдата:

1942–1943 гг. – связной партизанского отряда, далее – сын полка, на Орловско-Курской дуге – разведчик, наблюдатель Отдельного истребительного противотанкового батальона, далее – взвод топоразведки 15 ОТ МБР 19, Венская арtdивизия 3-го Украинского фронта, много раз по заданию переходил линию фронта, награды...

И ни слова о стихотворчестве...

Это стихи высокого природного художественного уровня – поэта, ушедшего на войну в 10 лет и знающего все её страшные детали. Без единого фальшивого слова... Это последний живущий среди нас поэт из знаменитой фронтовой шеренги: от Константина Симонова до Юлии Друниной и Николая Старшинова... Правда, так и не вышедший своевременно на их поэтическую переключку.

Слава Богу, что всё-таки объявился.

Осенняя переправа

Как будто огненные клинья
Вбивают пушки над затоном.
Скользя легко по влажной глине,
Понтон уходит за понтоном.

Плоты и лодки тянут следом,
Глотнув армейские сто граммов.
Плывёт пехота к гиблым бедам
И обречённо, и упрямо.

Ей встречно бьёт что только может
С заречной вражьей чёрной кручи.
Ох, упаси пехоту, Боже,
А если смерть – прости, не мучай.

Вода от взрывов зло клокочет,
С разбитых вдребезги посуды,
Стеная в небо что есть мочи,
В небытие уходят люди.

Но вал живых от середины —
С судьбой и волей вместо весёл, —
По камышам, ломая льдины,

Уже себя в атаку бросил.

Береговой коснувшись тверди,
Как обретённого спасенья,
Бегут бойцы навстречу смерти
Иль ко второму воскресенью.

На пулемёты – в штыковую,
Броском гранаты путь означив,
Рвут оборону огневую
Бесстрашьем, яростью, удачей.

И бывший дьяк, а ныне взводный,
Раненье приняв, как награду,
Хрипит: «Аз вынес ад холодный
И муки огненного ада»...

* * *

Жизнь моя на ласки небогата —
Не имел я их и не искал.
То детдом, то воровская хата,
А потом войны крутой оскал.

В жизни той милей дневного неба
Был блиндаж с накатом в пять слоёв.

И в каком аду я только не был
В круговерти гибельных боёв.

Я забыл, откуда вышел родом,
Мир войны – мой первый детский класс.
Ну а дни стекали, словно в воду
Капли слёз из воспалённых глаз.

Отвечаю чётко на вопрос вам:
Я родился сразу злым и взрослым.

Охота

Фронтной был нарушен быт:
В это утро – уже не первый —
Был сержант молодой убит
Дерзким снайпером, бабой-стервой.

Командир цену знал словам,
Мне в лицо проскрипел зубато:
«Трое суток на стерву вам.
Неуспех награжу штрафбатом».

Так охоте был даден старт,
В чьей-то жизни назначив точку.
А вокруг плакал тёплый март,

Зарождалось лето в почках.

И пошёл я... И ночь, и день
Стали болью и чёрным бредом.
Уходила она, как тень,
Окровавив свои победы.

Я иссяк, я в бессильи сник,
И денёк шёл последний, третий.
Скрытой оптики слабый блик
Уловил я в сыром рассвете.

А бинокль подтвердил успех:
На изломе ольхи у речки —
Щёки, лоб, капюшона мех,
Обнажённых ладоней свечки.

И кощунственно плыл уют
От винтовки её и позы.
Встретить мне б её не в бою,
Слать бы ей не заряд, а розы.

Фронт привычно гремел окрест,
Жил жестоким своим законом.
Впил в межглазье прицел ей крест,
Уподобив мишень иконам.

Чуть сместился овал лица,
И качнулась фигура слабо:

Цель нашли девять грамм свинца.
Упокой твою душу, баба.

Ту медаль не ношу я: нервы.
Раной в памяти гибель стервы.

1966

Батяня

Добровольцы тюремных зон...
То о нашей штрафбатной роте.
В бой идти нам какой резон?
Но ведь воля за ним фокстротит.

Командир наш – свободный хрен —
Истязал нас в боях условных.
На выносливость ставил крен,
Не жалел, подлец, уголовных.

В мозг и тело втирал закон:
Скоростной быть должна атака,
Не картёжный атака кон,
Не братвы загулявшей драка.

Вот пошли мы. Кто к праотцам,
Кто, умывшись в крови, к рождению.

В рыло бьёт ураган свинца,
Позади отряд загражденья.

И забытый звериный страх
Всех прижал на меже у поля.
И разбилась атака в прах,
В гибель вдруг обернулась воля.

Кто-то ж первый обязан встать,
Всех рвануть на бросок под пули.
Ротный встал: «Эх, ити вашу мать!»
И шагнул вперёд, не сутулясь.

И пошёл по траве, как Бог,
И крестил нас нелепым матом.
Встали мы, как единый вздох.
И отбили у немцев хаты.

Двадцать лет. Лейтенант – пацан,
На солидность никак не тянет.
Чтили мы его, как отца,
Величали с тех пор батяней.

1956

Пахнет ночь ромашкою и рожью...

Пахнет ночь ромашкою и рожью,
Влажной дымкой светится роса.
Поле спит. А в тёмном бездорожье
Шелестят, как листья, голоса.

Мы разведка, мы глаза и уши.
Нам приказ – доставить «языка».
И в смятенье дышат наши души,
Как в оврагах близкая река.

Влажный след в траве оставив телом,
Мы ползём, беззвучны и близки.
Вижу я покрашенные мелом
Впереди ползущих каблуки.

Проскользнув под проволокой колючей,
Стынем в блеске вспыхнувших ракет.
Мысли – камнем, падающим с кручи:
«Сорвалось! А может, может – нет?»

Темень вновь упала чёрным шёлком,
Скрыла нас от выстрела в упор.
Вот бросок, вот хрип! И всё умолкло:
Лёг навечно вражеский дозор.

Живы мы, идём с живым трофеем,
Будто вновь для жизни рождены.
И заря, как счастье, розовеет,
И как будто нет совсем войны.

1953

9 мая

В гимнастёрке, прямой, туго стянут ремень,
Жёсткий бобрик волос в белой дымке седин.
В амбразурах глазниц слёз удержанных тень...
Над стаканом вина он склонился один.

Что он вспомнил, старик? Резко вздёрнута бровь,
В складке горькой сомкнулся морщинистый рот...
Жизнь прошла, как бросок сквозь потери и кровь:
Две жестоких войны, гибель маршевых рот.

Он сидит за столом, как заброшенный форт.
То, что раньше скрывал, а теперь напоказ.
И не выпит коньяк, не опробован торт,
А оркестру всё тот же военный заказ.

И подвыпивший люд – молодой и крутой —
Приглушил свой нахрап к уважению дат.
Так зачем же он в бой шёл версту за верстой,
А награда ему? Обворован солдат.

Обделённый судьбой и унижен страной,
Что во власть привела алкашей и воров,

И не может он встать – пожилой и больной, —
Чтобы вновь защитить честь России и кров.

Наша славная Русь, на каком ты пути?
Отзовись и бойца от обид защити!

Огневые дальние налёты...

Огневые дальние налёты —
Сокращённо – безобидно – ДОН.
Попадёшь в такие переплёты,
Если вдруг прольётся с неба он!

Дыбом встанут рощица и поле,
Небосклон крутнётся, как волчок...
А когда-то – было это в школе —
Вдоль по Дону плавал я, сморчок.

Песни пел, удил штанами рыбу,
Доставал на глуби ила твердь,
И не знал, что ДОН – стальная глыба
И несёт осколки, кровь и смерть.

Но и всё ж в тугих разрывах ДОНа
Я сквозь гибель честно проходил,
Чтоб на речке мирной возле дома

Мальчик пел и окуней удил.

Осень

Осенняя дымка лежит на болоте.
Прохладная свежесть, хрустящая тишь.
Опять я с берданкой брожу на охоте,
Усталой рукой раздвигая камыш.

Приятная томность... Срываются утки,
И трепет их крыльев – как в сердце мечта.
Все целы патроны. Трофеев за сутки —
Любимых стихов два блокнотных листа.

Расстрел

Босыми ногами на потном граните
Он выписал кровью следов своих нити
И встал над волной – полосатая майка, —
Один перед сталью штыков беспощадных.

Спокойно смотрел, как над синью прохладной
В испуге металась и плакала чайка.
Нет, нервы матроса – не стержни корунда.

Вся жизнь пронеслась перед ним, как секунда.

Неполные двадцать, простые, как гайки,
Что шли по резьбе восходящей спирали.
Он знал, что умрёт, как друзья умирали,
И он не завидовал плачущей чайке.

Восьмой десяток... А погода...

Восьмой десяток... А погода —
Военных гиблых лет повтор,
И кучно бьют, как пули, годы
В нас, доживающих, – в упор.

Как всем живым, нам жить охота...
Я установку вспомнил ту,
Когда с уставшею пехотой
В атаку шёл на высоту:

«Храни надежду, веруй в Бога,
Будь и в делах, и в мыслях скор».
Я ранен был. Но если строго —
У смерти выиграл там спор.

И вот сейчас, как в той атаке,
Дерзаю в схватках трудовых,

Чтоб расцветали в мае маки
Для нас, – не мёртвых, а живых.

Иду навстречу бьющим датам
Вновь атакующим солдатом.

2003

* * *

Я говорю войне: «Прощай...»
Она, как жало, впилась в душу.
Её не вырвать невзначай,
Добром и бранью не разрушить.

Я говорю войне: «Прощай...»
Бойцов упавших лица рядом.
По ним горит в слезах свеча,
А боль за них, как взрыв снаряда.

Я говорю войне: «Прощай...»
Но дышит память жаром боя
И мне твердит: не отвращай
Того, что вписано судьбою.

И этот груз тебе навек,
Войны хлебнувший человек.

В атаке той мне чуть бы поскорей
Прикрыть бронёй машину капитана
От скрытых в роще вражьих батарей,
Что выжгли в башне огненную рану.

Тлел ватник. Всё ещё живой,
Слепой наводчик ищет в оцупь цели,
А командир мотает головой,
В нём и слова, и мысли онемели.

Таков он вот, удар по нам во фланг:
Машины рвутся, погибают люди...
Через эфир мне повышают ранг.
Ну кто ж тут штаб с разведкой не осудит?

Я к батареям повернул свой «лоб»:
Он непробоен, как мечта о мире.
На скоростях мы пушки смяли, чтоб
Всё остальное расстрелять, как в тире.

Снаряды наши рвали на куски
В колоннах плотных технику, пехоту.
Огнём зажаты нами, как в тиски,
Там вряд ли мог в живых остаться кто-то.

Победный бой... О чём тут говорить?

Об орденах и званиях, что ли?
Забуть бы мне, как танк с людьми горит,

А вспомнив, не стонать в ночи от боли.

Шаги

Здесь бита днём двух рот отвага,
А нам, штрафным, как штык, приказ —
Взять высоту. Назад ни шага.
Без артогня. И штурм – сейчас.

Мы в тьме дождя, как в оболочке.
Бросок вперёд жесток и скор.
Встреч ослепительные точки:
Стрельба в ночи, в меня, в упор.

Смешалась боль-бессилье с матом,
И колокольный звон в ушах.
Рука продлит броском гранаты
К победе мой последний шаг.

А вслед шагнут за мной другие,
Вперёд означив тяжкий сдвиг.
О вы, смертельно дорогие
Шаги, как вечность и как миг.

В грязи траншей, на слизи скатов
Шагают вверх и рёв, и стон,

И треск гранат и автоматов
Со всех немислимых сторон.

Вода с огнём, гроза с туманом
И ярость в нас, забывших страх:
Где грудь на грудь, где шаг с обманом,
Чтоб втопан в прах был этот враг.

Мы – как единый зверь в атаке,
И каждый шаг – прыжок вперёд
В нас предков
наших, стойких в драке
За Русь... И в павших не умрёт.

Шаги – опорные брикеты
К вершине в жуткой схватке той...
Как наша кровь, текут ракеты
Над взятой нами высотой.

Перед боем

Словно кони в стойлах, в капонирах танки,
Экипажи чутко дремлют на броне.
И луна за тучкой, что лицо в ушанке,
Над военным полем плавает во сне.

Пулемётов трассы ищут в небе крылья,
Как с испугу, грохнут пушки вдалеке.
Ветерок, взлетевший порохом и пылью,
Пронырнул оврагом к вздрогнувшей реке.

И в беззвучье снова время погрузилось,
Словно мир в раздумье на ночном краю.
Сохрани же, Боже, жизнь мою, как милость,
В предстоящем утром гибельном бою.

Машины в тумане – толпою слоновой

Машины в тумане – толпою слоновой,
И хоботы пушек под плёнкой влаги.
Стоят экипажи, и ротный, уж новый,
Читает нам чётко сырые бумаги.

Сапёры нашли в минном поле проходы,
Ценой своей жизни поставили вехи...
Атака вслепую – как тяжкие роды:
Здесь нужно терпенье и вера в успехе.

Вчера мы горели, на минах нас рвали,
И пушки долбили по нашему флангу.
Потери, усталость надежду сковали,
И нас командир выжимал, словно штангу.

В нём опыт и сила: горел уже дважды,
Ни званье, ни орден такому не светят...
Сказал в заключенье: «Пусть думает каждый,
Как выиграть бой в предстоящем рассвете.

Я пешим пойду, и за мной строгим следом
Все танки в колонне до самой траншеи.
А что предписали, считаю я бредом,
Беру на себя приговором на шею.

Ни грамма спиртного – глотнём на поминках,
Не все мы вернёмся, такая уж доля.
Мы – люди живые, и смерть – не картинка,
Но надо прорваться сквозь минное поле.

Никто, кроме нас. По местам! Заводи!»
И ротный пошёл, как сказал, впереди.

На смерть медсестры

Неуступчива, непорочна...
С райских кущей штабного тыла
В пекло боя, в отместку, срочно
К нам в окопы её скатило.

Но и здесь она, как и всюду —
Честь и нежность в сыром бушлате.
Мне б на мушку того иуду,
Что пытался подол задрать ей.

Огрубевшие, мы любили
В ней и мать, и дитя родное.
Артогнём нас вчера накрыли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.